

Политика Рапалло в историографии Российской Федерации

Н.Н. МЕЗГА

В статье рассматривается российская историография рапальской политики в постсоветский период. Установлено, что для нее характерно значительное расширение проблемного поля исследований. Российские историки стремятся учесть влияние всего многообразия факторов на развитие советско-германских отношений. Рапалло рассматривается в контексте Версальской системы международных отношений.

Ключевые слова: российская историография, рапальская политика, Россия, Германия, Версальская система.

The article examines the Russian historiography of Rapallo politics in the post-Soviet period. It has been established that it is characterized by a significant expansion of the problem field of research. Russian historians strive to take into account the influence of a wide variety of factors on the development of Soviet-German relations. Rapallo is considered in the context of the Versailles system of international relations.

Keywords: Russian historiography, Rapallo politics, Russia, Germany, the Versailles system.

Политика Рапалло в советско-германских отношениях на современном этапе развития исторической науки продолжает оставаться полем для активных научных дискуссий. Исследователи по-разному трактуют характер, причины советско-германского сотрудничества в 1920-е – начале 1930-х гг. В связи с этим важно обобщить историографический материал по указанной проблеме. Это позволяет определить степень изученности рапальской политики и наметить приоритетные направления ее дальнейшего исследования. Целью данной статьи является выявление важнейших положений современной российской историографии, характеризующей рапальский период в советско-германских отношениях.

Уже с начала 1990-х в российской историографии при изучении рапальской политики обозначились новые подходы, расширилось проблемное поле исследований по сравнению с советской исторической наукой. Абсолютно новым направлением исследований стало изучение военного сотрудничества между Россией и Германией. Ю.З. Кантор считает, что есть основания говорить о налаживании советско-германского военного сотрудничества с лета 1921 г. [1, с. 14–15]. По мнению В.Э. Модянова, 29 июля 1922 г. было подписано первое советско-германское соглашение о военном сотрудничестве [2, с. 109]. В.В. Соколов высказывает мнение, что уровень сотрудничества, в том числе военного, между Россией и Германией, установившийся после Рапалло, позволяет говорить о негласном военно-политическом союзе между ними. В условиях, когда на Германию были наложены Версальские ограничения, Советская Россия, как изгой из мирового сообщества, представлялась для Германии идеальным партнёром [3, с. 109, 110]. Другой точки зрения по вопросу советско-германского союза придерживается В.А. Зубачевский. По его мнению, в 1923 г. существовали благоприятные условия для развития советско-германских отношений, но при этом речь не шла о формировании военно-политического союза [4, с. 311].

Исследователи стали уделять значительное внимание антипольскому аспекту советско-германского сотрудничества в 1920-е гг. Примером такого подхода может служить статья В. Соколова и И. Фитисова [5, с. 141]. С.А. Горлов в качестве инициатора антипольской направленности сотрудничества в рамках Рапалло представляет Москву. По его мнению, советские предложения о выработке «совместного подхода к польскому вопросу» в 1924–1925 гг. наталкивались в Берлине на неприятие. Это связано с тем, что поддержание взрывоопасной ситуации, основанной на слепой вражде к Польше, несло смертельный риск для самого существования Веймарской республики [6, с. 19]. По мнению Ю.З. Кантор, доминирующее положение в отношениях СССР и Германии занимал именно польский фактор. Она считает, что сближение Советской России с Германией было неразрывно связано с ее борь-

бой с Польшей за влияние в Северо-Восточной Европе. Оба эти направления внешней политики являлись для Москвы первостепенными и органично взаимосвязанными во второй половине 1920-х гг. [1, с. 21, 27]. В.А. Зубачевский в качестве примера советско-германского сотрудничества на антипольской основе в период Рапалло указывает на переговоры в феврале 1923 г. в Москве советской и германской военных делегаций, на которых обсуждались вопросы о совместных военных действиях против Польши. При этом он высказывает мнение, что Рапалльский договор способствовал и нормализации советско-польских отношений, так как через Польшу осуществлялась советско-германская торговля [4, с. 244, 229]. По мнению В.А. Зубачевского, Москва активно использовала польский фактор, чтобы сохранить рапалльскую политику в условиях происходившего в 1924–1925 гг. сближения Германии со странами Запада. В 1925 г. Москва начала с Варшавой переговоры о заключении договора о ненападении. Советско-польские консультации, проходившие одновременно с советско-германскими переговорами, вызвали негативную реакцию министра иностранных дел Германии Г. Штреземана. В результате СССР прекратил диалог с Польшей и 24 апреля 1926 г. подписал Берлинский договор о нейтралитете с Германией [4, с. 315].

Новым для постсоветской российской историографии стало определение влияния внутривнутриполитического фактора на советско-германские отношения, связанное со становлением в СССР тоталитарного режима. С.З. Случ связывает ухудшение советско-германских отношений после подписания Берлинского договора, в том числе, с усилением советского тоталитарного режима [7, с. 101]. С другой стороны, он делает вывод, что 1933 г. стал поворотным в советско-германских отношениях и инициатива этих изменений исходила от Гитлера, т. е. была вызвана чисто внутривнутриполитическими изменениями в Германии [7, с. 107]. Ухудшение советско-германских отношений в конце 1920-х гг. П.В. Макаренко также объясняет в том числе становлением в СССР сталинского тоталитарного режима, равно как и нахождением у власти в Германии в 1928–1930 гг. социал-демократического правительства [8, с. 119]. В.А. Шишкин считает, что рапалльский курс подвергался серьезным испытаниям с советской стороны, имея ввиду аресты немцев в связи с шахтинским делом [9, с. 299], т. е. опять же в связи со становлением тоталитарного режима в СССР.

Современная российская историография отмечает негативное влияние на рапалльскую политику идеологического фактора. Это влияние признавалось и в советской историографии и рассматривалось как проявление классового противостояния на международной арене. Данное положение фактически сохранилось в исследованиях В.А. Шишкина. По его мнению, классовый подход к Советской России был характерен даже для сторонников восточной ориентации германской внешней политики. Германия при первой же возможности готова была стать на сторону Запада, отказавшись от сближения с СССР [9, с. 293–294]. Новым в определении влияния идеологического фактора на политику Рапалло стало обращение исследователей к проблеме идейно-политической конфронтации большевиков с социал-демократами и к роли концепции мировой революции в советской внешней политике. С.З. Случ отмечает, что в период нахождения у власти в Германии в 1928–1930 гг. правительства во главе с социал-демократом Г. Мюллером отрицательное влияние на советско-германские отношения оказывало именно идеологическое противостояние Коминтерна и социал-демократии в то время [7, с. 102]. И.С. Кремер указывает на деятельность Коминтерна как на фактор, создающий сложности в советско-германских отношениях [10, с. 114]. В работах В.А. Зубачевского показано, что наиболее сильным влиянием концепции мировой революции на советско-германские отношения приходится на осень 1923 г. Это было время, когда усилилось недовольство германского правительства советским вмешательством во внутренние дела Германии. Москва считала допустимым временную потерю Восточной Пруссии Германией для обеспечения нейтралитета Польши по отношению к германской революции. Германский посол в Москве потребовал у М. Литвинова объяснений в связи с большевистскими заявлениями о готовности спасти немецкую революцию путем уступок за счет Германии Польше. По мнению В.А. Зубачевского, в 1924 г. нормализацию отношений между СССР и Германией замедляло всё то же советское вмешательство во внутренние дела Германии [4, с. 254, 255, 257–258, 283]. Н.Н. Станков считает, что причастность СССР к событиям в Германии в

1923 г. привела к ухудшению советско-германских отношений [11, с. 28]. Фактором, который заставлял Москву сдерживать крайне радикальный курс Коминтерна и немецких коммунистов, П.В. Макаренко считает экономические интересы СССР [8, с. 120].

При определении значения Рапалльского договора для международного положения России историография Российской Федерации в значительной степени продолжает традиции советской историографии. В.Ю. Катасонов в духе советской историографии пишет о том, что в Генуе Советской России удалось прорвать единый фронт «империалистических держав» путём заключения Рапалльского договора, «договор в Рапалло сорвал попытку Антанты создать единый капиталистический фронт против Советской России» [12, с. 108, 110]. И.А. Хормач видит значение Рапалльского договора в том, что он разрушил единый фронт капиталистических государств, усилил их заинтересованность в сепаратных соглашениях с Россией [13, с. 95]. По-иному значение Рапалльского договора видит В.А. Зубачевский, рассматривая его в контексте политики защиты интересов России на антивоерсальской основе. Он отмечает, что после подписания Рижского мира, начался постепенный переход большевиков к защите интересов Российского государства путем сближения с Германией, что стало крупнейшим провалом версальских миротворцев [4, с. 200]. В.А. Зубачевский указывает на стремление большевиков использовать Рапалльский договор при решении территориальных вопросов. Он отмечает близость в 1924 г. позиций СССР и Германии по Мемельскому, Виленскому и Галицийскому вопросам. В МИД Германии считали, что присоединение Вильно к Литве, а Западной Беларуси к Советской Беларуси соответствует германским интересам [4, с. 280, 281]. Также, по мнению В.А. Зубачевского, благодаря договору в Рапалло Советская Россия вышла из изоляции, создав прецедент в международно-правовой сфере, заложила основы для широкого сотрудничества с Германией [4, с. 228]. В.Э. Модянов, напротив, считает, что Рапалльский договор не открыл эру сотрудничества, «но закрепил уже идущие процессы» в отношениях между Россией и Германией [2, с. 9].

В современной российской историографии определилась тенденция рассматривать политику Рапалло в контексте общего международного порядка, существовавшего в то время в Европе. С.З. Случ еще в 1990-е гг. сделал вывод, что Рапалло являлось частью общего антивоерсальского курса СССР. Заключение советским правительством договоров о ненападении с Польшей и Францией воспринималось в Германии как полное изменение советской внешней политики [7, с. 103], что ослабляло рапалльский курс. В кандидатской диссертации, защищённой в 2001 г., О.В. Артюков отмечает, что с помощью Рапалло Германия стремилась вернуть статус великой державы. Но в Берлине пришли к выводу, что решить эту задачу только с опорой на СССР невозможно. При этом в германские политики не спешили отказаться от «русской карты» в отношениях с Западом [14, с. 15–16, 18]. По сути, тот же тезис звучит в работе Ю.З. Кантор. Она пишет, что Берлин использовал Рапалло как важнейший козырь для давления на Англию и Францию. Опираясь на особые отношения с СССР, Германия последовательно восстанавливала статус великой державы [1, с. 131]. В.А. Шишкин делает вывод, что для Германии Рапалльский договор был вынужденным ходом, «браком по принуждению». При этом Г. Штреземан исходил из преждевременности отказа от хороших отношений с СССР, несмотря на подписание Локарнских соглашений. Этим и объясняется подписание Московского договора в 1925 г. и Берлинского договора в 1926 г. [9, с. 294]. В.В. Соколов считает, что внешнеполитическая изоляция Германии заставила её пойти на подписание Рапалльского договора [3, с. 107]. В дальнейшем угроза снова оказаться в изоляции серьезно тревожила правящие круги Германии. П.В. Макаренко отмечает опасения Берлина относительно сближения между СССР и Англией и Францией после смерти В. Ленина. В германских дипломатических кругах существовало мнение, что переговоры Москвы с Парижем и Лондоном приведут к тому, что «Германия останется с пустыми руками» [8, с. 183, 185]. В.А. Зубачевский в связи с этим указывает, что в условиях признания СССР в 1924 г. в советских политических кругах сложилось мнение, что Германия стремится препятствовать сближению СССР с другими странами [4, с. 281]. С другой стороны, избрание президентом П. Гинденбурга, начало сближения Германии с Англией вызвало беспокойство в Москве. Но в Локарно Г. Штреземану удалось избежать антисоветских обязательств при вступлении в Лигу Наций, и Москва сохраняла на-

жду на продолжение политики Рапалло [4, с. 298, 291, 292]. В.А. Зубачевский оценивает советско-германские военно-политические отношения в 1920-е гг. как позитивное явление в борьбе против «санитарного кордона», созданного версальскими миротворцами, в частности, для изоляции Германии и Советского Союза. Сочетание рапалльской и локарнской линий в политике Веймарской республики помогало ей готовить мирную ревизию Версальской системы, но это было выгодно в 1920-е гг. и Советскому Союзу [4, с. 320]. По мнению Е.В. Хавалкиной и В.С. Дзюба, несмотря на то, что в своей риторике Берлин неоднократно использовал советский фактор, угрожая Франции и Великобритании превращением экономического сотрудничества с Москвой в полноценный политический альянс, а может быть, и именно поэтому Лондон начал более внимательно относиться к возможности привлечения Берлина к урегулированию вопросов безопасности в Европе [15, с. 173].

В постсоветской историографии в России возросло внимание к роли Берлинского договора в рапалльской политике. И.С. Кремер рассматривает ход советско-германских переговоров о договоре о нейтралитете и считает, что наиболее сложным на них был вопрос о соблюдении нейтралитета лишь в случае неспровоцированного нападения третьей державы на одного из участников договора [10, с. 115]. По мнению В.А. Зубачевского, Берлинский договор способствовал активизации военного сотрудничества между СССР и Германией [4, с. 316]. Иную оценку влиянию Берлинского договора на политику Рапалло дал еще в середине 1990-х гг. С.З. Случ. По его мнению, за все время существования Веймарской республики не было другого такого периода, когда советско-германские отношения имели бы такую устойчивую тенденцию к ухудшению, как в первые четыре года после подписания Берлинского договора [7, с. 101].

В современной российской историографии существуют расхождения относительно определения времени, когда происходит свертывание рапалльской политики. По мнению С.З. Случа, данный процесс начался буквально сразу после подписания Берлинского договора. Он связывает это, с одной стороны, с усилением советского тоталитарного режима. С другой, с изменениями в международной обстановке, в основе которых лежало ослабление Версальской системы, и, соответственно, укрепление позиций Германии на международной арене [7, с. 101]. В.А. Шишкин считает, что к осени 1929 г. в германской политике наметился курс на отход от рапалльской политики [9, с. 310]. В.Э. Модянов делает вывод, что канцлер Брюнинг взял курс на сворачивание сотрудничества с СССР, в том числе в области кредитов и военных заказов [2, с. 123]. В более общем плане относительно свертывания рапалльской политики говорит Ю.З. Кантор. По ее мнению, успехи политики Германии по укреплению ее международных позиций и сближению с Францией во второй половине 1920-х гг. привели к постепенному сужению сферы практического взаимодействия Москвы и Берлина [1, с. 20]. В.А. Зубачевский определяет, что с конца 1920-х гг. Советский Союз и Веймарская республика стали сворачивать военно-политическое сотрудничество. Данный автор связывает это с тем, что, во-первых, изменились международная конъюнктура и внутренняя политика СССР и Германии, особенно после начала в 1929 г. мирового экономического кризиса. Во-вторых, немалую роль сыграл персональный фактор: ушли с политической арены многие активные сторонники рапалльской политики [4, с. 319]. Роль персонального фактора в свертывании рапалльской политики отмечает и В.А. Шишкина. Он указывает, что с 1928 г. очень большой урон советско-германским отношениям наносил субъективный фактор, уход из жизни либо ослабление политических позиций сторонников Рапалло [9, с. 310]. По-иному трактует влияние мирового экономического кризиса на советско-германские отношения П.В. Макаренко. Он отмечает успешность развития советско-германских экономических связей в годы кризиса 1929–1933 гг. [8, с. 120].

В рамках изучения рапалльской политики значительно возрос интерес современных российских исследователей к персоналиям. Историки пытаются определить позицию тех или иных политических деятелей по отношению к Рапалло, их влияние на советско-германские отношения. С.А. Горлов считает, что самыми крупными прогерманскими лоббистами в советском руководстве были И. Сталин и В. Ленин [6, с. 18]. Ю.З. Кантор также указывает на И. Сталина как на наиболее активного сторонника военно-политического сотрудничества с Германией [1, с. 12]. П.В. Макаренко считает, что заключение Берлинского договора 1926 г.

не оправдало надежд И. Сталина и политбюро на удержание Германии в русле советской внешней политики. Сталин рассчитывал решить с помощью Германии проблему кредитов, необходимых для индустриализации. Но при этом он считал возможным взаимопонимание с немцами лишь на определенных условиях и на определенное время. Вред советско-германским отношениям наносило и то, что Сталин не мог отказаться от революционных принципов большевизма. Он критиковал НКВД за недооценку революционной составляющей во внешней политике, был уверен в заинтересованности Германии в сотрудничестве с СССР и полагал, что, несмотря на подрывную деятельность Коминтерна, на разрыв она не пойдет. По мнению П.В. Макаренко, для И. Сталина Германия своим противостоянием державам-победительницам, своими напряженными отношениями с Францией и Польшей представлялась надежным и самым предпочтительным партнером в случае обострения отношений СССР с западными державами [8, с. 118, 121].

В.Л. Чернопёров отмечает наличие расхождений в советском руководстве относительно приоритета отношений с Германией в советской внешней политике. В конце 1924 г. в политбюро обсуждалась стратегия советского внешнеполитического курса. М. Литвинов, которого в целом поддержал и Г. Чичерин, высказался за сближение с Францией вплоть до признания Версальского договора. Взамен они рассчитывали получить Прибалтику и восточную Польшу. Но политбюро отвергло эти предложения и высказалось за сохранение рапальской политики [16, с. 43]. На различия в оценках курса Рапалло в советском руководстве указывает и В.А. Зубачевский. По его мнению, Г. Чичерин отдавал приоритет германскому направлению в советской внешней политике, считая, что Рапальский договор закончил «триумф победителей» в мировой войне, положив начало «появлению новых международных политических сил». М. Литвинов, представляя англо-саксонскую ориентацию, видел в договоре прагматическую цель – дипломатические отношения с Германией. В. Ленин же писал 28 августа своему заместителю Л. Каменеву и И. Сталину: «С Германией теперь надо быть “мудрым аки змий”. Ни слова лишнего. Не “дразнить” зря ни Франции, ни Англии ... ни слова с призывом не исполнять Верс[альского] договора», т. е. проявлял осторожности в плане сотрудничества с Германией [4, с. 230]. На расхождения в советском руководстве относительно курса Рапалло указывает и И.Э. Магадеев. По его мнению, Г. Чичерин на момент начала Рурского кризиса считал возможным политическое сближение с Францией. Поэтому остался недовольным решением политбюро опубликовать воззвание ВЦИК по поводу оккупации Францией Рура. И. Сталин и Л. Троцкий считали планы Г. Чичерина по достижению соглашения с Францией в тех условиях нереалистичными. М. Литвинов в конце 1924 г. высказывал точку зрения, что сохранение дружественных отношений с Германией возможно лишь при одновременном создании опорных пунктов хотя бы в одной из крупных стран Европы: Франции или Англии [17, с. 157–158].

Таким образом, историки Российской Федерации по сравнению с советской историографией расширили проблемное поле исследования Рапалло. Активно изучается военное сотрудничество Германии и России, атипольский аспект рапальской политики. Эта политика рассматривается в контексте международного порядка в Европе в 1920-е – начале 1930-х гг. с учетом влияния на нее разнообразных факторов, в том числе внутривнутриполитических и идеологических. Изучение советско-германских отношений периода Рапалло в целом осуществляется в рамках подходов, сформировавшихся в 1990-е гг. Поэтому сложно говорить о выделении этапов в российской постсоветской историографии рапальской политики. Можно отметить формирование двух направлений в историографии Рапалло в Российской Федерации. Для одного из них характерно заимствование ряда важных положений советской историографии. Его представители объясняют рапальскую политику прежде всего стремлением советского руководства не допустить формирования единого антисоветского фронта, именно в этом видят значение Рапалло для СССР (П.В. Макаренко, В.А. Шишкин, И.А. Хормач). Представители другого направления делают акцент на антиверсальском характере рапальской политики, стремлении Германии и России использовать ее в целях укрепления своего международного положения (Ю.З. Кантор, В.Э. Модянов, И.Э. Магадеев, В.А. Зубачевский).

Литература

1. Кантор, Ю. З. Заключая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы / Ю. З. Кантор. – СПб. : Питер, 2009. – 336 с.
2. Модянов, В. Э. Россия и Германия : дух Рапалло (1919–1932) / В. Э. Модянов. – М. : Просвещение, 2009. – 176 с.
3. Соколов, В. В. Деятельность советского посольства в Берлине / В. В. Соколов // Новая и новейшая история. – 2006. – № 2. – С. 102–121.
4. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века) : Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.
5. Соколов, В. Рапалло и довоенная Польша / В. Соколов, И. Фетисов // Международная жизнь. – 1993. – № 3. – С. 135–143.
6. Горлов, С. А. Совершенно секретно : Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия) / С. А. Горлов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 352 с.
7. Случ, С. З. Германо-советские отношения в 1918–1941 гг. Мотивы и последствия внешнеполитических решений. Ч. 2 / С. З. Случ // Славяноведение. – 1996. – № 3. – С. 101–113.
8. Макаренко, П. В. И. Сталин и дух Рапалло конца 1920-х – начала 1930-х годов / П. В. Макаренко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : История. Политология. Социология. – 2011. – № 2. – С. 117–122.
9. Шишкин, В. А. Становление внешней политики послереволюционной России и капиталистический мир. От революционного «западничества» к «национал-большевизму». Очерк истории / В. А. Шишкин. – СПб., 2002. – 362 с.
10. Кремер, И. С. Новые документы по истории советско-германских отношений (1920–1941 годы) / И. С. Кремер // Новая и новейшая история. – 2012. – № 6. – С. 123–122.
11. Станков, Н. Н. «Германский Октябрь» 1923 г. и Чехословакия / Н. Н. Станков // Славяноведение. – 2018. – № 1. – С. 18–29.
12. Катасонов, В. Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории / В. Ю. Катасонов. – М. : «Кислород», 2015. – 240 с.
13. Хормач, И. А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам / И. А. Хормач // Новая и новейшая история. – 2020. – № 3. – С. 80–106.
14. Артюков, О. В. Советско-германские отношения в 1925–1933 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. В. Артюков. – М., 2001. – 38 с.
15. Хахалкина, Е. В. Локарнские соглашения 1925 г. в контексте трансформации Версальской системы : взгляд из Лондона / Е. В. Хахалкина, В. С. Дзюба // Вестник Московского университета. Сер. 25 : Международные отношения и мировая политика. – 2021. – № 1. – С. 157–195.
16. Чернопёров, В. Л. Дипломат В.Л. Копп и его роль в формировании советской политики в отношении Германии (1919–1924 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.15 / В. Л. Чернопёров. – Нижний Новгород, 2007. – 52 с.
17. Магадеев, И. Э. Г.В. Чичерин в оценках французских дипломатов и публицистов / И. Э. Магадеев // Российская история. – 2022. – № 5. – С. 147–159.